

СЛУШАТЬ И СЛЫШАТЬ — ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ГОВОРИТЬ

29 января свой юбилей празднует поэт, литературный критик, педагог Нина Александровна Ягодинцева. Поэт Юрий Татаренко взял у неё интервью для “Нашего современника”.

Ю. Т.: Когда начались ваши стихи?

Н. Я.: Очень рано, ещё в начальной школе, но, конечно, это были не стихи ещё, а детская интуитивная потребность выразить свои чувства этим странным способом. По-настоящему они начались в Литинституте, после второго курса, хотя написано к этому времени было уже довольно много.

Мы ожидали рождения дочери, я очень много читала и писала, словно впрок на сложный период, когда в семье появится малышка, и впервые прочла тогда поэтические суры Корана. Там я и обнаружила потрясающую вещь: оказывается, в священной книге мусульман раздел этот даёт понимание, что такое человек в масштабе Мироздания. Это, собственно, неизменная суть поэзии, на все времена: человек по меркам Вселенной. Вот с этого момента всё и началось по-настоящему.

Ю. Т.: Что изменилось после первой публикации?

Н. Я.: Первая публикация стихов состоялась, когда мне было 11 лет. Я смотрела на своё стихотворение “Что такое счастье”, а в 11 лет я точно знала, что это такое, и было нормальное детское ощущение, что вот ты сказала миру что-то очень важное, и теперь он точно станет лучше. Когда в 9-м классе я пришла в городское литературное объединение, нас воспитывали публикациями, ведь литературную страничку читал весь город, в том числе родные и дорогие мне люди, её обсуждали — Магнитогорск буквально дышал воздухом поэзии, — и сразу появилось чувство ответственности, которое осталось со мной на всю жизнь.

Первая настоящая журнальная публикация, оформленная редакционным художником, была в журнале “Уральский следопыт”, я училась тогда в 10-м классе. И я помню не восторг, а почти страх — получилось ли, и что получилось? Это были сильные чувства.

Ю. Т.: Интересна ли вам как поэту новая территория — критика, драматургия, переводы, проза?

Н. Я.: Как руководитель Литературных курсов ЧГИК и редактор я сейчас постоянно работаю с этими жанрами. Но у меня есть и собственная практика. Литературно-критические материалы начала писать ещё в конце 1980-х, сразу после окончания Литинститута. Была замечательная, жёсткая профессиональная школа в газете “Деловой Урал”: на полтора страничках нужно было рассказать о хорошей книге, привлечь к ней внимание читателей. В 2001 году пришла в ЧГИК преподавать основы драматургии и сценарное мастерство,

и с этого момента сценарная практика стала постоянной: по моим сценариям проходили городские праздники, какое-то время я преподавала в киношколе... Переводами активно занимаюсь с 2005 года, и только проза остаётся, пожалуй, неосвоенной территорией – хотя в качестве редактора прозаических произведений приходится выступать достаточно часто. Были мысли попробовать себя в прозе, но на это катастрофически не хватает времени.

Ю. Т.: Ощущаете ли такую субстанцию, как “предстихи”? Из чего она состоит?

Н. Я.: Да, эта субстанция часто ощущается очень явственно, но сформулировать ощущение сложно. Иногда это живая, острая тоска по общению – не бытовому, разумеется, но именно общению, – и в ответ на неё приходят стихи, особенно “заряженные” для меня, с глубокими ответами на мои неявные, невысказанные вопросы. Иногда это ощущение маленькой шаровой молнии, бьющей в кончики пальцев. Иногда – музыка, поначалу очаровывающая, а потом мучительная до того самого момента, когда становится стихотворением и счастьем... Наверное, и стихи при этом бывают разной природы: рассказываешь что-то, пересказываешь, как умеешь, услышанный ответ, создаёшь крохотную, но совершенно самостоятельную реальность... Но никогда не знаешь сразу, что скажется и почему, – во всей полноте понимаешь только через время, некоторые моменты – только через годы.

Ю. Т.: Что помогает вам “домолчаться до стихов”?

Н. Я.: Реальная жизнь. Я глубоко погружена в быт: семья, дети, теперь внуки, всегда много работы в вузе... Кроме того, большое место занимают редакторская практика, литературно-творческая педагогика и наука... Но стихи сами освобождают для себя время и место, и ни одно стихотворение не приходит просто из моего желания что-то написать. Хотя и не всё из приходящего удаётся записать верно, точно... Я искренне не понимаю, как может “нравиться” писать стихи, откуда берутся волшебная лёгкость письма и возможность мгновенно откликаться на внутренние и внешние события – для меня это всегда трудно: накопить силу для высказывания.

Ю. Т.: Когда стихи написаны, что происходит сразу после этого?

Н. Я.: Невысказанное становится сказанным, и эхо состояния звучит ещё долго. Я проживаю этот эмоциональный подъём, но радость не от того, что написано, а от самого состояния, в котором пишешь. Оно очень мощное. Перечитываешь стихи или, наоборот, захлопываешь ежедневник и погружаешься в быт (это чаще), а воздух вокруг звенит ещё очень долго. Но я приучила себя не выпускать стихи из тетради сразу – нужно понять, насколько удалось записать то, что слышалось, слово – не воробей...

Ю. Т.: Как различаете хорошие стихи и не очень? А хорошие и великолепные?

Н. Я.: Я не понимаю выражения “не очень хорошие стихи”, – возможно, это и не стихи, а некий продукт “со вкусом стихов”? Стихи – всегда аккумулятор эмоциональной энергии, этот заряд ощущается физически. Он питает, он перенастраивает, он даёт силы. Чем мощнее стихотворение, тем сильнее оно заряжает жизнью, и неважно, какая у него тональность – лирическая или трагическая... Великолепные стихи великолепно заряжают. Это, пожалуй, главное. Если аккумулятор пуст, стихотворение превращается в филологическую безделушку. Если наполнен по максимуму – он способен собрать вокруг себя и возвести в гармонию целый мир или значительную его часть.

Ю. Т.: Поэзия – это метафоры, неологизмы, афористичность, авторская интонация... А что ещё?

Н. Я.: Всё перечисленное – только средства выражения поэтического. Само поэтическое вещество – вот то самое главное “ещё”, и чем более оно концентрировано, тем менее нуждается в формальных изощрениях. Поэтому поэзия непредсказуема, а её отсутствие всегда очевидно, хотя все формальные признаки могут быть в наличии. А вот дать определение поэтического вещества я, пожалуй, не возьмусь... Если бы его можно было как-то определённо назвать, незачем было бы вообще писать стихи.

Ю. Т.: От чего свободен свободный стих? Роль верлибра в вашей жизни?

Н. Я.: Свободный стих свободен только от чёткой ритмической организации и конечных созвучий. Вместо них – глубокий и прихотливый внутренний ритм и звуковая перекличка из самых разных точек стиха. Всё остальное в верлибре гораздо жёстче, чем в традиционном стихосложении. Свобода

верлибра обманчива, и, обманув автора, он легко превращается из вертикального поэтического текста в горизонтальный и уходит в дурную бесконечность, но сегодня это как-то не принято замечать.

Я бы не сказала, что верлибр в моей жизни играет какую-то роль. Мне ближе волновая, ритмическая организация речи, потому что самые удивительные вещи происходят, когда чувства подхватываются речевой волной, преобразуются в ней и совершенно меняют мышление. А ведь это сложнее всего — менять привычные способы мышления, это едва ли не самая сложная из всех творческих задач.

Ю. Т.: По наблюдению главного редактора “Литературной газеты” М. Заешева, вербальное вытесняется визуальным. Как часто с этим сталкиваетесь?

Н. Я.: Постоянно. Это напрямую связано с развитием технологий манипуляции массовым сознанием. Вербальное в значительной степени лично, оно напрямую связано с развитием индивидуального творческого осмысления реальности, личного поступка, личной ответственности. Визуальное — данность, как ни странно, обезличенная, она вообще такая иллюзорная объективность, которая требует или принятия, или отторжения, — и в этой ограниченности выбора уже содержится возможность манипуляции, которая активно используется сейчас. И мы пока не можем этому вытеснению противостоять, поскольку вербальное требует личных усилий, направленной воли, а массовое сознание уже приучили не напрягаться.

Ю. Т.: С чем связано отсутствие новых архетипов в поэзии — со времён Дяди Стёпы?

Н. Я.: Вопрос — что понимать под архетипами? В строгом культурологическом смысле новый архетип — это такой же оксюморон, как юная старушка. Архетипы — фундамент культуры, а здесь скорее речь о модальных персонажах и образах, отражающих магистральные смыслы конкретной эпохи. И если подобные модальности не просматриваются в литературе, это тревожный признак атомизации общества. Писатели не конструируют реальность, а аккумулируют её и акцентируют главное. Чтобы подобные модальности появлялись, нужно общее поле культурного диалога, но у нас диалог скорее рассыпается, чем выстраивается, и порой становится очень уж заметно, что это целенаправленное рассыпание.

Ю. Т.: Что относите к системе табу в литературе — и искусстве в целом?

Н. Я.: В широком смысле — ничего. Право творения первично, законов творения множество, и в какой-то части они могут быть даже взаимоисключающими. Но в каждой конкретной культурной ситуации литература выполняет конкретную задачу, которая и выстраивает систему табу.

Настоящий художник поддерживает равновесие общества в его движении, предупреждает опасный крен и возможную катастрофу, именно это и определяет круг запретов, вплоть до табуирования. Не принимая систему табу, можно из созидателя превратиться в разрушителя, то есть изменить самой своей творческой сути. Но понимая эту систему как нечто безусловное и неизблемое, художник очень ограничивает себя в самой возможности осмысления жизни. Грань здесь очень тонкая, и её часто переступают, не задумываясь, в ту или иную сторону, и чаще — ради эпатажа, из желания быть замеченными почтенной публикой, падкой на подобные штучки.

Ю. Т.: Давно ли ваш читательский интерес переходил в читательский восторг? Успевае ли читать новинки? Что в приоритете — проза или поэзия, книги или журналы, бумага или “цифра”?

Н. Я.: Читательский восторг — прекрасное чувство, но в моей очень плотной работе редактора и литературного педагога времени для него всё меньше и меньше.

За новинками успеваю, увы, редко, да и осторожнее стала в выборе чтения, жаль тратить время на разрекламированные пустышки или идеологически заточенные штучки. Но вот семь лет я работала в жюри Всероссийской Бажовской премии и шесть лет была председателем жюри международной Южно-Уральской литературной премии, и в потоке конкурсных работ каждый раз находились такие, читая которые я была счастлива! Конечно, мы отмечали эти книги и публикации, старались выводить их в фокус общественного внимания, но сегодня это невероятно сложно, поскольку сама литература оттеснена на обочину общественной жизни и существует вне информационного потока.

Приоритетов в этом отношении нет — и поэзия, и проза, и книги, и журналы, а при необходимости и цифра — привередничать в жанрах и видах изданий не приходится, не те скорости жизни.

Ю. Т.: Ваше кредо руководителя поэтического ЛитО?

Н. Я.: В принципе, вы правы в определении “поэтическое ЛитО”, хотя и молодёжная мастерская “Взлётная полоса”, и Литературные курсы ЧГИК предполагают работу не только с поэзией, у нас представлены все жанры. Но в их основе — всё равно поэтический способ освоения мира. Я никогда не пыталась сформулировать для себя именно кредо, но, если всё-таки попробовать, наверное, оно будет выглядеть так: учить не писать стихи, а жить, чувствовать и мыслить в них. Проживать в них самые сильные состояния.

Ю. Т.: Что такое литературный Челябинск, по вашему мнению? Писательская разобщённость — миф или реальность?

Н. Я.: Литературный Челябинск — интереснейшее, разностороннее явление, здесь представлены все течения и направления литературной работы. А мы к этому добавили ещё и литературно-творческую учёбу...

Его невозможно охарактеризовать несколькими словами в рамках интервью. Литература началась здесь на революционной волне начала прошлого века, поднялась на волне модернизации 1930-х, и только в 1970-х город постепенно начал отходить от литературно-производственной прагматики... Думаю, собственно литературная точка опоры у Челябинска не в прошлом, а в будущем, если очень кратко.

Что касается разобщённости писателей — увы, она обусловлена самой спецификой профессии, одиноким трудом смысловотворения. Но есть блестящий пример Ассоциации писателей Урала, созданной Александром Керданом в годы, когда поодиночке многие писательские организации просто, наверное, не выжили бы. Уникальная ситуация и уникальный опыт самоорганизации, о котором я много писала.

Ю. Т.: Видите ли вы региональных авторов, способных продолжить ряд классиков: Шукшин, Вампилов, Астафьев, Распутин?..

Н. Я.: Да, конечно, они есть, они работают, но информационное поле сегодня крайне неблагоприятно для того, чтобы их имена звучали. Ну, вот хотя бы Пётр Краснов в Оренбурге, Арсен Титов и Александр Кердан в Екатеринбурге, Елена Крюкова в Нижнем Новгороде или — из другого поколения — Александр Пешков в Барнауле, Светлана Чураева в Уфе... Не могу не назвать Владимира Крупина, Виктора Потанина, Николая Дорошенко и Николая Иванова... Этот ряд можно смело продолжить, и я принципиально не противопоставляю здесь регионы и столицу, так как русская литература везде в ситуации примерно одинаковой.

Ю. Т.: Как вы думаете, возможна ли интеграция писательских сообществ? Когда, на какой платформе?

Н. Я.: Я думаю, необходима и возможна их ассоциация; она позволит, не обостряя существующих противоречий, сохранить литературу как инструмент самосознания общества. Подобная ассоциация была недавно создана, но пока она не определила позитивных тенденций в культурном поле, может быть, ещё недостаточно прошло времени? Общество, себя не осознающее, — это катастрофа, и по ощущениям она всё ближе. Я думаю, понимание общей большой профессиональной проблемы может стать основанием для объединения сил. Иначе очень скоро писателей вытеснят копирайтеры.

Ю. Т.: В прошлом году широко отмечался юбилей Бродского. Как ощущается воздействие его поэтики?

Н. Я.: Прямо сказать, Бродскому крупно не повезло. Он в своё время попал в эпицентр идеологической борьбы, и одна сторона до сих пор идеализирует и даже абсолютизирует его, а другая практически не признаёт. Помню период начала 2000-х, когда поэтов оценивали так: если ощущается влияние Бродского — ты эпигон, а если нет — вообще не поэт... И нужно значительное время, чтобы этот шум стих, и поэзия Бродского заговорила сама за себя. Отдавая должное его большому таланту, могу сказать, что он не мой поэт, он мне не близок.

Ю. Т.: В списке авторитетов современного общества поэтам отводится “...надцатое” место. Как относитесь к этому?

Н. Я.: Я к этому не отношусь. Авторитеты, выведенные в фокус общественного внимания, практически все искусственны, технологии их создания известны, и если в эту машину попадает поэт, поэтом он быть перестаёт.

Но зато у него появляется имидж. Прозаиков это, кстати, тоже касается. Не ищите авторитеты – ищите поэзию, она сегодня как самоспасатель в шахте, хотя бы несколько глотков воздуха, чтобы добраться до нужного выхода...

Ю. Т.: Сейчас популярна серия “ЖЗЛ”. Чья биография вам интересна для своего исследования?

Н. Я.: Людмилы Константиновны Татьяничевой. Я только краем коснулась в очерке “Третий путь” её женского, материнского подвига. А это личность глубокая и глубоко трагическая, и очень характерная для своего трудного времени. Женщин в поэзии до сих пор принято делить на ахматовок и Цветаевок, но был и третий путь – мы о нём знаем очень мало.

Ю. Т.: Современный подросток не знает годы жизни Лермонтова. А что и о ком ему знать необходимо, по-вашему мнению?

Н. Я.: Как минимум – что поэзия не способ ухода от реальности, а особый способ бытия в ней. Исходя из этого, наверное, и следует искать родственные души – и одной из них непременно окажется Лермонтов.

Конечно, историю родной литературы знать необходимо, но важно, в первую очередь, понимать – зачем. То есть мы сейчас возвращаемся к азам, к необходимости тщательно проговаривать вслух сказанное ещё в позапрошлом веке: литература – самая точная наука о жизни...

Ю. Т.: Осень 2021 года у вас выдалась весьма насыщенной – были поездки на фестивали в Липецк, Мурманск, Уфу. Поделитесь впечатлениями, пожалуйста!

Н. Я.: Осень была прекрасна. Все три фестиваля подготовили и провели молодые – собственно, какие молодые, они сейчас как раз в силе! В Липецке Анна Харланова вернула популярность замечательному русскому прозаику Александру Левитову, незаслуженно забытому. Это был не только фестиваль, но огромный (больше 2000 работ) конкурс на соискание премии Левитова, поездка в село Доброе, где у школы стоит памятник писателю, замечательный семинар, знакомство с городом, обширная программа Совета молодых литераторов... Целый букет ярких событий. Я была в Липецке впервые, но сразу почувствовала, что это литературный город!

С Мурманска, оказывается, началась традиция празднования Дней славянской письменности и культуры в России, а эстафету праздника им передали болгары. Весной я читала в Мурманске лекции по организации литературной работы, и как раз отмечалось 35-летие традиции празднования этого общеславянского праздника. А осенью прилетела ещё раз – для участия в фестивале “Капитан Грэй”, где вела творческие семинары, встречалась со студентами и читала стихи на берегу Северного Ледовитого океана... Организаторы фестиваля – Илья Виноградов и Дмитрий Коржов. Илья сейчас руководит писательской организацией, он первый из молодого поколения руководителей, набравших опыт в Совете молодых литераторов, подхватил эстафету масштабной литературной работы в регионе. “Капитан Грэй” – фестиваль с неповторимой северной романтикой, совершенно уникальный.

И уже в совершенно сложных условиях ограничений бесстрашно провела фестиваль “КоРифеи” в Уфе Светлана Чураева. Это было драгоценное общение, которого остро не хватает сейчас, такая отдушина, счастье быть вместе... И не только на лекциях, семинарах и концертах, но и в поездке в Аскынскую пещеру и на водопад на реке Инзер...

На каждом фестивале мы знакомимся с прекрасными городами, их литературными традициями, и после одной из таких поездок я почувствовала, поняла: я собираю Россию в своём сердце. Собираю прекрасную и сильную страну с прекрасными и сильными, необыкновенно талантливыми людьми. И эта страна из всех исторических испытаний выйдет обновлённой и светлой.

Ю. Т.: На фестивале в Уфе вы прочли лекцию “Книга как поступок”. В этом смысле большинство поступков трудно назвать благодетельными?

Н. Я.: Увы, книга перестала быть событием. Отчасти и потому, что выходит огромное количество книг, к литературе не имеющих отношения. Такой своеобразный компромат на автора, чистосердечное признание в 300 экземплярах: литературных способностей нет, формой не владеет, о существовании знаков препинания знал, но забыл, с русским языком вчера поспорил...

Хорошие книги теперь надо знать, где искать. Книга как минимум должна вывести читателя на разговор. Ещё лучше – когда она заставляет мир вращаться вокруг неё. И если автор всё сделает правильно, книга становится больше самой себя и обретает литературную ценность.